

УДК 34.023:(168.522+316.3+165.71)

А. А. Ивакин

ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО И АБСОЛЮТ КАК СУБЪЕКТЫ ПРАВА

Гегель определяет право как свободную волю. Но что такое воля? Шопенгауэр и Ницше используют это понятие в предельно широком значении, включая в него не только стихию животных инстинктов, но и стихию неживой природы. Однако то, что они имеют в виду, — это всего лишь подчеркивающие единство Мира природные предпосылки человеческой воли. К тому же воля не является самостоятельным субъектом. Воля есть атрибут (существенное, неотъемлемое свойство) того или иного субъекта. И — именно и только субъекта, способного обладать правом как своей свободной волей, ибо «воля — это свобода, направленная к некоей цели» [1, 161].

Автор этих нескольких процитированных слов — Н. В. Хамитов, чье исследование феномена воли оказало на меня большое влияние. Однако я вношу небольшие изменения в классификацию Н. В. Хамитовым форм воли, и они являют собой не словесное упрощение: за ними стоит своеобразие некоторых моментов моего собственного понимания данной проблемы.

Итак, воля проявляет себя как а) воля к жизни, б) воля к власти, в) воля к творчеству. При этом я хочу согласиться с Г. С. Батищевым в том, что главная цель творчества это не просто созидание всего того, что можно назвать новым, ранее не существовавшим, а — творение гармонии в отношениях между субъектами [2].

Воля к творчеству является высшей формой воли, снимающей в себе в качестве подчиненных и преобразованных моментов две другие, более элементарные формы воли. Поэтому воля, как нацеленность мысли и действия на обретение свободы к творчеству, в «снятом виде» содержит стремление человека к реализации всех остальных его естественных прав.

Однако творчество подразумевает коллективность человеческих усилий. Все, что творит личность, она творит с помощью или посредством кого-то и — для кого-то.

Поэтому система права есть всегда тождество противоположностей: права индивида и права коллектива. Их противоречие проявляет себя в единстве а) *права как права человека на человеческое бытие* и б) *права как социального регулятора человеческих отношений*. Первая форма права, взятая лишь как «в себе единичная воля субъекта» — это абстрактное право, вторая форма — это уже право как долженствование человека перед другими людьми. Но есть еще синтез первой и второй формы права. Гегель отождествляет его с нравственностью и считает, что только государство являет собой воплощение этого высшего права-нравственности.

Абстрактное право, именно в силу своей абстрактности, в силу своей отвлеченности от истинного права, «права самого по себе», есть такая воля, которая содержит в себе способность и к обману и к преступлению. «Если у кого-

либо нет никакого другого интереса, кроме его формального права, то оно может быть просто упрямством, как это часто бывает у душевно ограниченных и бедных сердцем людей, ибо грубый человек упорно отстаивает свое право, тогда как человек благородного образа мыслей принимает во внимание и другие стороны дела» [3, 98]. Человек-эгоист как будто не понимает или же забывает о том, насколько бывает беспомощен и жалок человек, силами обстоятельств вынужденный продолжительное время быть изолированным от общества.

Право как мораль в силу рассудочного характера мышления, лежащего в его основании, продолжает оставаться абстрактным, ибо оно вырывает из целостной системы и абсолютизирует уже другой — коллективный субъект. Здесь мы видим другую крайность: подчинение воли индивида как субъекта — воле того или иного сообщества. Действует другой абстрактный принцип: «долг превыше всего». Лев Шестов пишет о том, что Брут был заложником долга: любя Юлия Цезаря, как отца, он, тем не менее, принимает участие в его убийстве, потому что долг требует от него устранения того, кто покушается на свободу римского народа. И Брут исполняет свой долг, хорошо при этом понимая, что старая форма правления полностью исчерпала себя, что Риму необходим монархический строй правления и что именно Юлий Цезарь более других возможных претендентов достоин быть императором [4, 182–186]. Рассудочный характер морали, таким образом, способен загнать ее приверженца в ловушку абсурда.

И, тем не менее, Гегель оправдывает право-моральность, право-долженствование, уверяя, что уже в нём субъективная форма выражает не только общий, но и свой собственный, личный интерес. На самом же деле, как мне кажется, точнее было бы сказать — да, собственный, субъективный интерес в данном случае присутствует, но как? — В форме подогнанного под общий, а точнее — под общепринятый, интерес. Именно поэтому исполнение долга зачастую сопровождается насилием человека над самим собой. Насилие это содержит в себе и отвращение к самому себе и отвращение к тем правилам, которые насилуют слепо и покорно исполняющего свой долг. Г. Гегель осуждает Ф. Шиллера, называя его издевку над кантовским пониманием моральности «абстрактной рефлексией», создающей «воззрение на моральность, согласно которому она существует лишь во враждебности и в борьбе с удовлетворением человеком собственных потребностей, — выставляет требование: *делать с отвращением то, что велит долг*» (выделено мною. — А. И.) [3, 168]. Представляется, однако, что Гегель не замечает или не хочет замечать того, что подобное долженствование зачастую формируют те люди в политической или духовной власти, которые свои личные и групповые интересы облачают в форму всеобщих интересов, тем самым вводя в заблуждение остальных людей.

Итак, господствующая в праве-моральности тенденция — это предельное ограничение личной свободы. Как, например, — у монаха или солдата. Действие того и другого происходит исключительно по уставу. Очень красноречивы сами слова — «послушник», «рядовой» и т.д.

Заметим, что в наше время либеральное понимание права в своем рассудочном неистовстве доходит уже до противоположного абсурда, ставя на бе-

зусловно первое место волю индивида или же того или иного меньшинства. И такой беспредел (в форме политкорректности, мультикультурализма, феминизма и т.д.) выдается за демократию и торжество свободы, а «значит» и права.

Нравственность, как высшая форма свободы, а следовательно, и — права, выступает как единство потребности и обязанности личности. Говоря о важности для конкретного проявления свободы наличия семьи, гражданского общества и государства, Гегель, однако, считает, что «идея свободы истинна лишь как государство» [3, 114].

Думаю, что Гегель, как и в свое время Платон, имеет в виду не просто государство, но государство идеальное, разумно устроенное. И если эта идеальность долгое время приравнивалась критиками этих великих мыслителей к утопии, то процесс исторического развития человечества ведет к превращению этой благородной возможности в настоящую потребность и необходимость. Всё разумное рано или поздно должно стать действительностью.

Я убежден в том, что учение о ноосфере является законным преемником учения об идеальном государстве. В этом учении, уже более обоснованно, чем в учениях об идеальном государстве, наряду с индивидом и обществом как субъектами права (свободной воли), проявляется присутствие третьего, Абсолютного субъекта. Именно о Нём постоянно говорил своим ученикам Иисус Христос, призывая их исполнять Волю Отца Небесного.

В Евангелии есть повествование о том, как один из законников, искушая Иисуса, спросил его: «Учитель! какая наибольшая заповедь в законе? Иисус сказал ему: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим»: Сия есть первая и наибольшая заповедь; Вторая же подобная ей: «возлюби ближнего твоего, как самого себя»; На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» [5, 22, 35–40].

Воля Высшего Космического Разума проста и ограничена в своих требованиях: человек «всего лишь» должен *возлюбить Бога, себя и ближнего своего*. Именно Любовью очерчивается та граница, переступить которую человеку возбраняется, ибо тогда он станет Нечеловеком. Однако внутри этой границы человек обнаруживает для себя безграничную возможность развития.

1. «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим».

Поскольку чувство любви должно носить деятельностный характер, то в сказанном я слышу: выполняй свое божественное, космическое предназначение. Люби Мир, как свой собственный Дом, постоянно способствуя наведению в нем порядка — гармонии.

2. «Возлюби ближнего твоего, как самого себя».

Самого себя человек должен любить, уважая и любя в себе всё человеческое, культивируя в своих действиях все то, что помогает развивать свою человеческую сущность. В этих словах присутствует и первая часть заповеди (любя ближнего твоего, как самого себя, способствуй тому, чтобы и он, как ты, всеми делами своими доказывал свою любовь к Богу), и, кроме того, любя ближнего

твоего, как самого себя, ты должен позаботиться и о земном его благополучии. О благополучии тела и благополучии души. Позаботиться...

М. Хайдеггер в своей философии как раз и предпочел возвышенное слово Любовь заменить более приземленным словом Забота. Слово «Любовь» заинтересовало его в другом контексте, как составляющая и неотъемлемая часть слова «философия»: «...Любить означает здесь, в гераклитовом смысле, *οἰολογεῖν*, говорить так, как говорит *Λογος*, т.е. соответствовать *Λογος*. Это соответствие созвучно *σοφον*. Созвучие есть *αρμονια*. То, что одна сущность взаимобразно связывает себя с другой, что обе они изначально прилаживаются одна к другой, ибо находятся в распоряжении друг у друга, — это *αρμονια* есть отличие *φιλειν*, любви в понимании Гераклита» [6, 116].

Философия и религия говорят об одном и том же, но только каждая — на своем языке. Религия — на языке чувств и рассудочных представлений, философия — на языке разума и понятий. Соответствовать Логосу и служить ему. Жить в гармонии с ним. Вот в чем выражается то, что на религиозном языке именуется Любовью к Богу. И в этом же и состоит Воля Отца Небесного. И воля эта не противостоит воле человека: «Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко». Эти слова Иисуса говорят о том, что, исполняя Волю Божию, человек исполняет свою собственную, правильно понятую волю. Любить — это значит видеть во всех людях и во всем Мире — свое, родное и близкое. И не просто видеть, а и поступать соответствующим образом: так, как ведет себя деятельно любящий свою собственную, родную семью домочадец (великая истина, которую интуитивно чувствовали уже мифологически мыслящие люди, считая весь мир своей огромной семьей).

Бог — это любовь. Даже *не осознавая* этого, следует *верить* в это. К осознанию же сути этой божественной любви, и сути ответной любви к Богу ведет длительный эволюционный путь человечества. Для этого нужны многовековые усилия философии и науки. И я думаю, что именно философ Г. С. Батищев лучше всех других понял: диалектика вражды — это низший уровень объективной диалектики, а диалектика Любви и содружества — это высшая форма объективной диалектики [2].

Весь мир — это универсальные узы любви. Весь мир — это благое и разумное информационное поле. Жизнь в этом мире, по идее своей, — это жизнь «в одном ключе», умение понимать и любить друг друга. Мир — это живой мир.

Все усилия и попытки разводить в стороны, противопоставлять друг другу усилия религии и усилия философии в содружестве с наукой, направленные на просвещение и благую нацеленность воли человечества, с какой бы стороны — со стороны атеистов или со стороны клерикалов — они ни шли — являются враждебными по отношению и к душе и к телу человека.

Философия Всеединства — вот что нужно современному человеку: об одном и том же должны говорить религия, философия, наука, а также и искусство:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —

В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

(Ф. Тютчев)

Л. Фейербах очень много говорил о любви, но считал, что из этой триады субъектов (и соответственно — объектов) любви безо всякого изъяна можно убрать Бога. Но «убрав» Бога, он убрал и «ближнего» (общество), так как любовь ему пришлось трактовать только как природное свойство человека.

К. Маркса понимание любви как прирожденного свойства человека не устраивало. Его больше привлекала позиция Гегеля, доказывающего, что нравственность человека вырастает и проявляется через семью, гражданское общество и государство. А что это такое? А это — «совокупность всех общественных отношений», которая «в своей действительности», по Марксу, и есть сущность человека. Однако, восстановив в правах общество как активный субъект воли, Маркс, так же, как и Фейербах, «за ненадобностью» отбросил все рассуждения и размышления Гегеля о единстве субъективного, объективного и абсолютного духа. И тем самым «закуклил» человека в пределах социальной системы. И тем самым, хотел он этого или не хотел, но противопоставил человека и общество — природе.

Известно, что Спиноза отождествлял Природу и Бога. И постоянно подчеркивал необходимость любить Бога. Тогда что же, любить Бога — значит любить Природу и ее законы, изучать их? Именно так понимает призыв Спинозы один известный его исследователь, добавляя, что в аспекте такого понимания любой школьник, прилежно штудирующий природоведение, больше любит Бога, нежели сам Папа Римский. Так это или не так?

На мой взгляд, в сказанном выше упущено «кое-что» очень важное: согласно Спинозе, любить Бога — это стараться смотреть на всё не нашими слабыми и предвзятыми человеческими глазами, а глазами Абсолюта. И при этом чувствовать себя достойной частью великого космоса, а не «пупом» вселенной. То же, но по-другому, сказал в свое античное время Диоген Синопский, гордо называвший себя Космополитом. Разве, когда он с зажженным фонарем ходил по базару и кричал: «Ищу человека!», он оценивал суть человечности по своему личному разумению, то есть так, как это предлагали делать софисты? Нет! Его устами, как и раньше — устами Гераклита, Мировой Логос призывал человека стать наконец-то Истинным Человеком.

Любая форма любви — это чувство радостного соприсутствия. Любовь всегда идеальна: я хочу стать самим собой в большей мере и поэтому стремлюсь к тому, чего у меня нет, но что является моим другим, моим лучшим.

Главное же: Любовь — это страстное желание *соответствовать* Логосу. Любовь к Богу активна, ибо она есть *стремление уподобиться Богу*. Исполнить волю Отца Небесного.

И не надо забывать главного: результаты развития современной науки (и прежде всего обобщения выдающегося ученого палеонтолога, первооткрывателя синантропа — Пьера Тейяра де Шардена) позволяют увидеть, что космическое предназначение человечества — это не абстрактный, или же чисто религиозно-нравственный, призыв. Оно определяется конкретным, реальным

положением человека на восходящей линии эволюции природы в сторону увеличения ее разумности. Человек обязан исполнять это свое предназначение, реализовать свою разумность в биосфере, что одновременно означает и то, что он *имеет право на ноосферу*, то есть имеет право на то, чтобы разумно (на основе профессионального знания и чувства справедливости) строить свои отношения с другими людьми и с природой.

То, что раньше казалось странным и непонятным, становится все более осязаемым и способным стать рационально осмысленным. Древнее представление о своем «ближнем» исторически постоянно расширяется. И вот сейчас человечество глобализируется, становится одной большой семьей, одним родом-племенем. И тут стандарт должен быть един (двойные и тройные стандарты в наше время не годятся, макиавеллиевский тип политики должен безвозвратно исчезнуть). Иисус также учил очень сложной для большинства людей необходимости: возлюбить врагов своих. Великая мудрость этого учения состоит в том, что врагов не должно быть вообще. Вначале лишь в сфере отношений человека к Богу было признано, что не должно быть «ни Эллина, ни Иудея». А сейчас мы начинаем понимать, что и всеобщее, международное законодательство должно писаться для всех по одному стандарту. Сильный не должен навязывать слабому свою волю и свое толкование закона. Мы видим, что формальное и «утопическое» учение Канта о категорическом императиве и о вечном мире (то есть антимакиавеллиевское понимание политики) наполняется конкретным содержанием и имеет уже статус реальной возможности. На наших глазах за внешним продолжением (даже обострением) отношений вражды и несправедливости а мире, в то же время неуклонно уготавливается формирование Разумной Действительности, Ноосферы. Отрицать это — значит отрицать человечность человека.

Итак, субъекты свободной воли, то есть субъекты права, — это человеческий индивид, человеческое общество и Абсолют. Суть соотношения этих трех субъектов заключается в их диалектическом тождестве, то есть в единстве различного. Это единство, однако, носит исторический характер, оно, как бы, созревает постепенно. Вот почему Гегель и выделяет три исторических этапа конкретизации, «взросления» права человеческого индивида: абстрактное право, право-мораль и право-нравственность. На этом пути происходит укрепление нераздельности неслиянного: человека, общества и Абсолюта. Человек, который многими представляется единственным субъектом права, на самом деле является диалектическим тождеством всех трех субъектов. Совершенное тождество этих трех субъектов должно в будущем выглядеть как диалектическое единство Истинного Человека, Ноосферы и Бога.

Таким образом, право как свободная воля индивида *«раскрывает свою разумную и добрую природу и познает ее сверхиндивидуальную всеобщность»* [7, 309]. Так что в самом исходном пункте своего бытия право сразу же и навсегда проявляет себя и как до- и вне-юридическая свободная воля индивида к самореализации, и как право государственных институтов на регулирование общественных отношений через поведение субъектов, так как без осуществления этой своей функции право не может быть признано за право [8, 212]. И при

этом — и тут, мне кажется, частично правы юридические позитивисты — правовое регулирование выступает одновременно и как обеспечение свободы законопослушным гражданам, и как режим несвободы для преступников.

Интуиция Аристотеля, Фомы Аквинского, Гуго Гроция и других выдающихся мыслителей не подвела их, уверенных в том, что над всеми формами права возвышается Божественное право. И поэтому свободно-творческая сущность человека, реализация которой как свободной воли происходит в правовом пространстве, имеет не только индивидуальное и социальное, но и космическое, божественное измерение.

Литература

1. Хамитов Н. В. Философия человека: от метафизики к метаантропологии / Н. Хамитов. — К. : Ника-Центр, 2002.
2. Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества / Г. С. Батищев. — С.Пб. : Изд-воРХГИ, 1997.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия права / Георг Вильгельм Фридрих Гегель. — М. : Мысль, 1990.
4. Шестов Л. «Юлий Цезарь» Шекспира / Лев Шестов. Апофеоз беспочвенности. Прилож. 1.-Л. : Изд-во Ленигр. ун-та, 1991.
5. Евангелие от Матфея // Новый Завет.
6. Хайдеггер М. Что это такое — философия? // Вопросы философии. — 1993. — № 8.
7. Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека / И. А. Ильин. — СПб. : Наука, 1994.
8. Кистьяковский Б. А. Философия и социология права / Б. А. Кистьяковский. — СПб., 1998.

Аннотация

Ивакин А. А. Человек, общество и Абсолют как субъекты права. — Статья.

Прибегая к эмпирическим фактам и к выводам философии, науки и религии, автор статьи стремится доказать, что человек как, казалось бы, единственный субъект права на деле оказывается диалектическим единством трех субъектов — индивида, общества и Абсолюта. В связи с этим свободно-творческая сущность человека, реализация которой как свободной воли происходит в правовом пространстве, имеет не только индивидуальное и социальное, но и космическое, божественное измерение.

Ключевые слова: право, воля, субъект, абсолют, человек, общество, мораль, нравственность, ноосфера.

Анотація

Івакін О. А. Людина, суспільство й Абсолют як суб'єкти права. — Стаття.

Вдаючись до емпіричних фактів і висновків філософії, науки і релігії, автор статті прагне довести, що людина як, здавалося б, єдиний суб'єкт права на ділі виявляється діалектичною єдністю трьох суб'єктів — індивіда, суспільства і Абсолюту. У зв'язку з цим, вільно-творча сутність людини, реалізація якої як свободної волі відбувається в правовому просторі, має не тільки індивідуальний і соціальний, а й космічний, божественний вимір.

Ключові слова: право, воля, суб'єкт, абсолют, людина, суспільство, мораль, моральність, ноосфера.

Summary

Ivakın A. Man, Society, and the Absolute as Subjects of Law. — Article.

Basing on empirical facts and conclusions of philosophy, science and religion, the author tries to prove that a man, who, as it usually seems, is the only subject of law, in fact, is the dialectical unity of the three subjects of law — the individual, the society and the Absolute. In this connection, free and creative nature of man, whose implementation as the free will is carried out in legal space, has not only individual and social, but also cosmic, divine dimension.

Keywords: law, will, subject, absolute, people, society, morality, ethics, noosphere.